

Инна Ларина

* * *

Затрещала поленьями печка,
Так, глядишь, до весны доживем...
И туман задымится над речкой,
И все страхи развеются в нем...

Заалеют небесные дали,
Где надеждой сквозит от зари —
Мы Россию такой и не знали!
В высях стрункой летят журавли,

А внизу все березы да хаты,
И худые ограды в траве,
И солдаты поют «аты-баты»,
И старушка склонилась в шитве...

* * *

Ты придешь, когда солнце проснется,
Заискрится на травах роса,
Когда светом лучистым польется
Горизонта вдали полоса...

Ты придешь, когда ласковым звоном
Пенье птиц отзовется в полях,
И заплачут размеренным стоном
У реки старики-тополя...

Ты придешь, когда тихой молитвой
Разольется серебряный дождь,

Утомленные вечною битвой
Будут спорить опять день и ночь...

Ты придешь, когда сердце забьется,
Боль разлуки не в силах унять,
Ты придешь, и тебе улыбнется
Постаревшая в горестях мать...

г. Липецк

Александр Лошкарев

* * *

Плавно кружатся листья в пруду,
не тревожа его немоту,
прибиваясь волнами к порогу
одинокого домика Бога
в отраженных в воде небесах.
Оставляют мне август и страх.
Это странное чувство земное —
вечный страх перед вечным покоем.

* * *

Слезы — вовсе не грех в бесконечную осень,
если мокрый ноябрь приплелся во двор,
если ветер последние мысли уносит,
да и те, в общем — вздор.
Мир сомкнулся до стен трех домов обветшалых
и огней супермаркета, в вечную мать
не мигая глядящих. Почти не мешают.
Разве только чуть-чуть.
...Не уснуть, как всегда. Выйти в старенькой куртке,
чтоб ноябрь, как щенка, приласкать на груди,
незаметно шепча в тишину переулка:
все еще впереди.

г. Липецк

Екатерина Макушина

* * *

У Каина белый галстук и черный «Паркер».
В часы досуга перебирает марки,
В ладонях вертит камни со дна морского
Шлифованные — ни выростов, ни сколов.

Ладонь в ладони, подпись, обмен словами,
Фуршет, где мало избранных, много званых,
Постель, пастель и масло, наброски яви,
Спроси спросонья: Каин, где брат твой, Авель?

А брат — убрать — сорняк, что никак не сох,
От ветра набившийся в волосы песок,
Рассаженная коленка, царапка кошки,
Пропал — и ладно, было ведь понарошку,

Никто о нем не станет дудеть в дуду,
За шиворот не потащит тебя к суду,
Да было ли? Как будто когда-то в осень,
Тебе — аж целых, брату — всего-то —
Восемь...

Умыться — кофе — с козырей новый кон.
— А вместо кона — шлепать бы босиком.
— Ты что, опять? Да я ж тебя вроде метко...
Расставлено, расчерчено все по клеткам,
Зачем о старом — угли, колючки, овцы?..

На зеркало дышит с той стороны.
Смеется.

* * *

Девчонка по тропке
Босыми ногами
Так быстро перебирает,
И рвется дыханье,
И жизнь ликует
В топоте голых пяток.
Полынным лугом да гребнем берега —
Ну, скорее, скорее!
Кто за нею?
Вот-вот нагонит...
Ай, не видно в траве,
Только гуще алеют щеки,
Только жажда палит в глазах,
Только солнце метит в ладони
Спелым налитым яблоком...

Просыпаюсь. Так чутко, сладко
Дремлется у реки.
Над моей головой раскинуло
Ватные крылья облако.
Гребнем берега, лугом полынным —
Только пыль, да осы, да ветер...
Я бреду по голой тропе.
Незачем убегать.

Кристина Маркова

СЕРЫЙ КАМЕНЬ

Я лежу на сером камне на сыром холме:
Постоянно чья-то песня крутится в уме,
Постоянно чьи-то руки тянут меня вширь,
И на коже оседает с рук густая пыль.
Я лежу на сером камне — рядом нет зеркал,
Помню, только, ты глазами зелень отражал,
А теперь стеклянной коркой полегла роса,
И зачем-то ты полынью растворил глаза.
Я лежу на сером камне — дым туманом пах,
Разметавший вместе с ветром тишину в ушах.
И в звенящем безгололье на сыром холме
Перья ворона короной заплелись на мне...

г. Воронеж

Кира Марченкова

* * *

Не удивляет осень сентябрем,
А удивляет изморозью звонкой,
Когда весь мир с утра посеребрен
Так мастерски, старательно и тонко,

Что кажется — волшебный этот миг
Нам до весны сберечь необходимо.
Но красота тончайших снежных игл
Так быстротечна и легко ранима...

И капает, и капает вода,
И время, словно крепкий камень, точит.
Ненастных дней струится череда
Сквозь частокол имен и многоточий,

И спят под листопадами дворы.
И, затаившись, в них легко услышать,
Как тихо сотворяются миры,
Как медленно стекает дождь по крышам.

* * *

Девочка смотрит в небо —
Белые облака
С юга на север тянутся караваном.
Девочка смотрит в небо.
Рядом бежит река.
Девочке хорошо и немного странно.

В небе царит свобода,
Воздух душист и прян —
Август в зените. Лето идет на убыль.
Девочка смотрит в оба.
Девочка — это я
В небо смотрю, зачем-то кусая губы.

г. Сельцо Брянской области

Эльвира Пархоц

НА ПОКОСАХ

Разметались покосы.

Бабуля в платке,
Словно выцветший синеголовник,
Вспоминает,
кивая прохожему ветру в лугах:
«Замирилась война — мы *девчонками* были.
Колоски собирали *у поле*.
Полсовишык наедя — ох, страх...»

А я слушаю бабушкин говор, не слыша,
Вынимаю занозу-остинку из пальца.
Все боюсь наступить: травы русо лежат,
Как твоя посеченная стрижка...

Самолет вдалеке стелет холст —
Новина рассыпается ветошью.
Истончается боль.
Ты сказала — на будущий год не приедешь...

Замыкается день. В ветровой тишине
Дозревают созвездий колосья.
Лишь ключи прозвенят у зари
На туманном серебряном поясе.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ О МЕСЯЦЕ

Месяц, лохматый дед,
Рыжая шапка — два уха,
По ольховым идет лесам
Тихо-тихо в туманах-валенках.

Собирает темной рукой
В буреломах закаты-яблоки;
Расставляет, шурша камышом,
На реке золотую сеть.

Кто в нее попадет — не избудет печали,
Травяных, горьковатых осенних дум.
И тягучая песня — рябиновый мед —
Растечется зарей в перелесках.

г. Воронеж

Марина Полежай

БОЖЬЯ КОРОВКА

— Спелой медью гудят наливные твои бока.
Тетя божья коровка, небесного дай молока.
Я еще молодой, я совсем несмышлениш пока,
оттого не боюсь ни козы-дерезы, ни быка.

— Я билет получу и наверх полечу по лучу.
В небе млечный ручей, я бидончик с собой захвачу.
Слаще меда посылку мою заберет твоя мать,
Чтоб ты мог пировать.

Ночь — большая сова тебя мягко обнимет крылом.
Сонной песни слова — словно дым из трубы над селом.
В этом мире сбегających каш и стекающих крыш
Спи, малыш.

* * *

Как было хорошо на чердаке
Той девушке в ромашковом венке,
С презрительной улыбкой анархиста,
С пером жар-птицы в тоненькой руке.

С презрительной улыбкой анархиста
Она теперь работает бариста
В пластмассовом стаканчике-ларьке,
С пластмассовым стаканчиком в руке.

Она теперь работает бариста,
Не грезит о возвышенном и чистом.
Она живет без мыслей, налегке,
Она почти не помнит о сверчке,
Предателе смешном и голосистом
С квартирой и машиной в рюкзаке.

Мила дежурно. Сердце в кулаке.
Ажурное тату по всей руке.
Узнал ли девушку в ромашковом венке,
С презрительной улыбкой анархиста?

г. Пенза

Павел Пономарев

* * *

Помнят улицы милой, родной Лебедяни,
как, по стойке встав смирно, он рапортовал —
голос сорванный тот («Не портвейном — штормами!»)
только драный Дружок за родной признавал.

— Я моряк, — и прибавит чуть тише, — милейший!..
Бравый вид — да, на грех, подшофе, как всегда.
А вчера —
чтобы Дон переплыть —
он, раздевшись,
горожан потешал:
— Дон — не Неман-река!

Будто все ничего, что работать не может —
он здоровье оставил под Неманом там...
— Чем помочь тебе, Толя? — не спросит прохожий.
— Полрубля одолжи — в понедельник отдам, —

будто все ничего, что войною отнятая
из хмельной кутерьмы его юность встает.
— По фашистскому танку последней гранатой! —
он, в автобус бутылку швыряя, орет.

Помнит все: Лебедянь в довоенные годы,
подготовку в пехотном училище... Фронт.
Помнит первый свой бой: как, командуя взводом,
слезы с матом смешав,
шел на вражеский дзот.

Медсанбат.
Медсестричку смешливую в косах,
за которую в морду полковника бил.
А сестричка сбегала от острых вопросов:
— Ну, зачем, лейтенант, ты меня полюбил!..

И потом не при всех разговор состоится:
— Отвечай прямо, Соболев!
— Да — виноват.
— Шанс дает тебе родина кровью отмыться
и вину искупить: отправляйся в штрафбат.

И командуя взводом отдельной штрафроты,
он вину свою кровью таки искупил:

за свободу и ближних, и дальних народов
он контужен и ранен четырежды был.

...Помнят улицы милой, родной Лебедяни,
как по сердцу водил боевых кавалер
замусоленной справкой в нагрудном кармане
инвалид второй группы
А.Ф. Соболев.

* * *

А будет так: однажды ты поймешь,
что без меня нет жизни на земле,
и все, что я когда-то дал, вернешь
любовью став и памятью во мне,
в моей семье... Нет, в нашей — ибо я
родился, чтобы
нас с тобой связать,
спаять —
как цепь на крестике спаять —
и выковать, как крестик, сквозь века
моей семьей в иконке пронесенный:
кузнец когда-то выковал его
моей «пра-пра...».
И, временем спасенный,
тот крестик я несу тебе, и сквозь
года черты моих «пра-пра...» в тебе
невольно робким светом проступают:
и в трещинке, зажатой на губе,
и в родинке, что над щекою справа,
и, наконец, в испуганных глазах,
в которых память спряталась от нас,
но мы ее со временем достанем,
на ниточку на красную повесив —
как тот резной из-под иконы крестик.

И на иконе Матери Заступ-
ницы глаза прабабушки проступят.

И на тебя спасением посмотрят,
понять дав, что
и ты любить способна.

Я на твое запястье повяжу
нить с крестиком, спасенным из огня,
и, как кузнец когда-то, попрошу:
спаси и сохрани теперь меня.

Светлана Попова (Зюгина)

* * *

Тонкой струйкою жизнь течет
Из ладоней моих — в твои.
Сколько мимо лилось — не в счет,
Все поделено — на двоих.

Пей из рук.
Как усталый пес,
Головою прижмись ко мне.
Ты мечты сквозь преграды нес
Словно груды седых камней.

Счастье — капля живой воды.
Я ее зажимаю — в горсть.
Для тебя берегла.
А ты
Пей ее, чтобы все сбылось.

Прошлой жизни осталась нить —
Помнит память о той судьбе.
Ты с ладоней давал мне пить,
За спасением шла — к тебе.

* * *

У Печоры у реки, где живут оленеводы.

И. Кашежева

Я вдыхаю твой город глубже,
Выдыхаю как можно реже.
Проплывают навстречу лужи —
Океанами по проезжей.

Надо мною твое небо!
Распахну широко руки —
Ты еще отыскал где бы
Столь похожих сердец звуки!

Проходя, улыбаюсь шире
Деревянному двухэтажью.
Мне в твоём заполярном мире
Надышаться простором важно.

Ты, как в будни, в него выйдешь —
По-привычному безучастно!

Я ж — люблю то, что ты видишь
Ежедневно и ежечасно!

Только времени нынче мало,
Чтоб гулять и дышать с тобою.
Мне твой след на снегу талом
Будет взлетною полосой.

*г. Елабуга,
Республика Татарстан*

Юлия Румянцева

* * *

В тихом омуте черти топятся.
Им давно надоел весь мир.
В этом городе безработица.
Здесь последний закрыт трактир.

В тихом омуте черти бесятся.
Не от скуки, от суеты.
Здесь полнейшая околесица
Заменила собой мечты.

В тихом омуте черти женятся,
Но отнюдь не с большой любви.
Здесь семейные выше ценятся.
Эгоизм у людей в крови.

В тихом омуте черти молятся.
Они в церковь ходят уже.
Ты же знаешь, как это водится:
Тихий омут в твоей душе.

*г. Советск
Калининградская область*